

ПРОИСШЕСТВИЕ

-
«Не нервничай, Мальвина,
все будет-Аргентина!»
(Сосед-алкоголик - „дядя-Вова“)

-
Это произошло до того, как через Корегон Парк проложили шумную автомобильную дорогу. Эта дорога вычеркнула из Парка тишину, наполненную пением птиц и отдаленным пением мантр, стаями попугаев, ароматом цветов и воскуренных благовоний.

Это произошло до того.

-
Был полдень.

На улице почти не было людей, не видно было даже рикш и скутеров. Солнце — вовсю, во всю свою мощь. В это время здесь обедают, после чего спят.

Кстати, мне это время нравится. Я даже шляпу не надеваю. Хотя и жарко, но усталости нет, а солнце я люблю.

На другой стороне дороги, вдали, вижу индийскую семью, идущую мне навстречу. Молодой отец семейства, молоденькая, почти девочка, жена и двое детей: совсем крошечное у неё на руках и сынишка, годика 3, идёт, вцепившись в мамино сари.

И тут происходит что-то невообразимое.

Папаша семейства, видимо пьяный, покачиваясь, оборачивается и бьёт жену кулаком в лицо!

Она держит крошечного ребёнка на руках, старается не упасть и даже лицо не отворачивает — «с поднятым забралом» принимает удары один за другим.

Босоногий сынишка, что вцепился в маму, начинает громко плакать.

А глава семейства периодически поворачивается к идущей за ним, как верная собака, жене и лупит её кулаком в лицо.

Между нами было ещё приличное расстояние.

Я заорала что было мочи:

— Прекрати сейчас же!!!

Не думаю, что он расслышал или понял мой приказ. Но, качнувшись, он на минуту замер и посмотрел в моём направлении.

И... опять ударил.

На жаркой улице было пусто.

Кроме нас — никого.

С меня было достаточно!

Я сорвала с плеча мой рюкзачок, в котором была книга (но не «Курс Чудес», поменьше), и, держа его наперевес, как гранату, побежала в направлении семейства.

В возмущённом уме в этот момент крутилась лишь одна фраза:

«Только попробуй ударить её ещё раз! Ты у меня сейчас получишь!!!»

Бежать в моих шлёпанцах на платформах с каблуками оказалось непросто и не так стремительно, как хотелось бы. Но я неслась как могла, ничего не замечая, сфокусировавшись на кулаке «гада».

Ехавший по дороге на скутере индус, видимо, «залюбовался» моим бегом, порывом и целеустремлённостью. Он с интересом посмотрел туда, куда смотрела и бежала я. И направил свой скутер прямо к семейству. Остановился рядом с ними и, покачивая головой (индусы это делают своеобразно), жестикулируя, стал что-то объяснять пьяному папаше.

Я всё ещё не добежала до них.

Замедлив бег и перейдя на шаг, я с удивлением поймала себя на чувстве разочарования оттого, что этот бородатый, седой индус со скутером, похожий на восточного мудреца, лишил меня удовольствия вмазать главе семейства рюкзачком так, чтобы у него на всю жизнь выработался рефлекс: «Ударишь жену — получишь по голове».

И тут я вспомнила о прощении, которому учит «Курс Чудес», всю мудрость, которую я пыталась постичь 12 месяцев.

В мою голову хлынули отрывки из «Курса чудес».

«Если бы ты не чувствовал вины, ты не смог бы нападать, ибо осуждение — это корень нападения» (Т-13.I.1).

«Конечной целью проекции всегда является избавление от вины» (Т-13.II.1).

Другими словами... если я увидела агрессию, то это было из-за моей собственной бессознательной вины. Мне нужен был козел отпущения — кто-то, на кого я мог бы проецировать эту вину... «Вот поэтому ты предпочёл видеть агрессию». Прощение означает прямо противоположный выбор, и вся ситуация предстаёт в совершенно ином свете, оставляющем человека невинным вместо того, чтобы возлагать на него твою вину.

Как по мне, гораздо разумнее сначала ударить рюкзаком по голове,... а потом простить.

Возвышаясь над дорожной пылью на своих платформах и каблуках, я, как одинокая цапля, шагала по пустым и раскалённым улицам Корегаон-парка.

У меня перед глазами стоял трёхлетний ребёнок с широко открытым ртом от рыданий, видящий, как пьяный папаша избивает его маму.

Я шагала энергично и быстро и ощущала себя раскалённым пистолетом, которому не удалось выстрелить.

Какие-то фрагменты из «Курса» всплывали в памяти, и от этого становилось ещё хуже.

«Всё, что ты видишь, — это сон».

Да!

Сон.

Но должна ли я спокойно наблюдать, как этот сон превращается в кошмар?

И тут уж совсем крамольная мысль пришла мне в голову.

А что, если всю эту толстенную, замысловатую книгу нам специально подбросили именно те, кто хочет уйти безнаказанным за свои преступления?

Все эти педофилы, убийцы, насильники, садисты...

Мы смотрим на их грязные «художества», говорим себе, что «всё это — сон», «наши проекции», «наше подсознание и эго».

Мы соглашаемся, что на самом деле все эти преступления гнездились в нас?!

И мы прощаем. Прощаем наших «невинных братьев», которые только в нашем восприятии, в нашем воображении, в нашем сне и в наших проекциях совершили преступления.

А главное, все эти преступления мы берём на себя как нашу вину, нашу ответственность и, прощая их, прощаем себя.

Блеск!

Мы всех прощаем и любим.

И мир становится лучше, наполняется любовью, и этот пьяный мерзавец никогда больше не поднимет руку на свою хрупкую жену.

Ну и, конечно, этот малыш никогда больше не будет плакать!

Ребята, тут что-то не так!

Я ещё долго ходила по улицам...

И наконец, простила.

Простила себя за то, что не могу простить.